

контекст. И именно поэтому правительство с удвоенной силой работает над реформой школьной системы и системы высшего образования, используя ИВ как стимул к переменам.

Перспективы

Основной движущей силой образовательных реформ Японии стало правительство страны, которое стремится привести изменения в национальную систему среднего и высшего образования. Проект «200 ИВ-школ» во многом стал вызовом для сложившейся в Японии образовательной культуры. Впрочем, эти трудности могут в конечном итоге дать Японии шанс преобразиться.

IBDP известна как программа подготовки к поступлению в вузы. О том, как подготовить школьников к обучению в вузах, вообще говорят очень часто. А вот о том, как подготовить вузы к поступлению будущих студентов, практически никто не говорит. Студенческий контингент становится все более многообразным, абитуриенты приходят с различными ожиданиями относительно процесса обучения. Вузам пора задуматься о том, как подстроить образовательный процесс под потребности меняющегося студенческого контингента.

В своей статье я сосредоточилась на абитуриентах из ИВ-школ, но, в принципе, мои доводы применимы и к абитуриентам в целом. Стремясь удовлетворить потребности студентов с дипломами IBDP, японские университеты могут действовать не только на благо международных студентов, но и на благо японцев, тем самым повышая качество образования для всех.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2019.96.10778>

Япония: университеты мирового класса для социальных инноваций

Акиёси Йонедзава

*Акиёси Йонедзава — профессор, директор Управления институциональных исследований Университета Тохоку (Япония).
E-mail: akiyoshi.yonezawa.a4@tohoku.ac.jp.*

В 2017 году Япония запустила новую стратегию по созданию университетов мирового класса. Для этого правительство выбрало 6 из 86 имеющихся в стране национальных университетов и объявило их «специализированными национальными университетами».

В их число входят университеты с долгой исследовательской историей: Токийский и Киотский университеты, Университет Тохоку, Токийский технологический институт, Нагойский университет и Университет Осаки. Вузы получили особый юридический статус, который отличает их от остальных национальных университетов, и без того находящихся в выгодном положении с точки зрения получения бюджетного финансирования, в отличие от имеющихся в стране 90 государственных университетов местного значения и 604 частных вузов. Предполагается, что специализированные государственные университеты будут конкурировать с ведущими вузами других стран. Но что именно от них ожидается и что национальное правительство может для них сделать?

Не первая попытка

Это не первая попытка Японии создать университеты мирового класса. Более того, Япония давно и активно работает над этим, реализуя различные государственные проекты и инициативы: «Центры качества XXI века» (2002–2009 годы), «Глобальные центры качества» (2007–2014 годы), «Глобальная тридцатка» (2009–2015 годы) и «Передовые глобальные университеты» (стартовал в 2014 году).

В отличие от перспективных вузов соседних Китая, Сингапура и Южной Кореи, передовые вузы Японии за последние двадцать лет постепенно сдали свои позиции в рейтингах. Обычно это объясняют двумя причинами: низкими темпами интернационализации японских вузов и общества в целом и нехваткой финансовых вливаний. Финансирование первых двух проектов было организовано по принципу прямых инвестиций в научные центры, однако большого эффекта достичь не удалось. Отчасти это связано с тем, что базовая научно-техническая инфраструктура японских университетов была заложена еще в 1990-е годы, после экономического бума, но до запуска описываемых государственных инициатив. В 2007 году стартовала «Инициатива по созданию ведущих международных исследовательских центров», предусматривающая усиленные инвестиции в несколько исследовательских вузов. Но оценивать эффект этих инициатив для японской науки и высшего образования и для страны в целом пока рано.

Из-за политических изменений, спровоцированных финансовым кризисом 2008 года, в проекте «Глобальная тридцатка» приняло участие всего 13 университетов. В проекте «Передовые глобальные университеты» сейчас участвует 37 вузов, из них 13 получают поддержку для повышения международной конкурентоспособности, а остальные 24 должны стать образцами интернационализации. Эти проекты не выделяют финансирование на повышение качества научных исследований, вместо этого они способствуют интернационализации вузов через привлечение международных исследователей и повышение уровня владения английским среди местных сотрудников и студентов.

Запуская в 2014 году проект «Передовые глобальные университеты», правительство объявило свою цель: сделать так, чтобы десять японских вузов вошли в сотню лучших в мире. На тот момент ведущие вузы Японии действительно показывали плохие результаты в международных рейтингах по доле международных студентов и преподавателей, да и сейчас результаты не то чтобы лучше. Низкий темп интернационализации японских университетов связан с медленной интернационализацией национальной образовательной системы и рынка труда в целом.

Основа национальной инновационной стратегии

Правительство Японии пытается сделать исследовательские университеты главной движущей силой развития национальной экономики и реализует комплексную экономическую и финансовую политику, завязанную на промышленных инновациях. Ведущие исследовательские университеты стали привлекать внимание не только Министерства образования, культуры, науки и технологий, но и других государственных органов, включая Совет по науке, технологиям и инновациям и Совет по экономической и фискальной политике.

Предполагается, что специализированные государственные университеты будут конкурировать с ведущими вузами других стран.

В отличие от инициатив прошлых лет, программа «Специализированные национальные университеты» уделяет гораздо больше внимания способности вузов к долгосрочному стратегическому и практическому планированию и к внедрению изменений, которые должны помочь им стать университетами мирового класса. Вузы — кандидаты на участие в программе должны были описать собственные сильные и слабые стороны; оценить, удалось ли им достичь своих целей в отношении внедрения лучших практик; оценить стратегии развития науки и кадров и свой вклад в экономику и общественную жизнь путем содействия решению задач мирового и национального характера. Все вузы-кандидаты получили план, согласно которому они должны были осветить такие темы, как поиск и развитие кадров, расширение исследовательского потенциала и улучшение системы управления, укрепление финансовой базы, международное сотрудничество, взаимодействие с обществом.

«Не спрашивайте, что страна может сделать для вас, — спросите, что вы можете сделать для своей страны!»

Такеси Сасаки, председатель отборочной комиссии программы «Специализированные национальные университеты», обеспокоен финансовой устойчивостью даже главных исследовательских университетов Японии. Он хотел бы, чтобы вузы получали гораздо больше государственных средств, чем сейчас, и более широкую общественную поддержку, например в виде пожертвований от бизнес-сообщества и отдельных людей, если правительство это одобрит.

Но на практике новый «специализированный» статус вовсе не гарантирует никаких финансовых бонусов. Доля финансирования, получаемого вузами непосредственно в рамках данной программы, очень мала и составляет всего около 0,2% от их ежегодного дохода. Правительство предполагает, что выбранные для участия в программе вузы станут активнее привлекать средства из негосударственного сектора, например в виде благотворительных пожертвований или через сотрудничество с промышленностью. В основе этого подхода лежит мысль о том, что единственный эффективный для вузов способ стать университетами мирового класса заключается в наращивании управленческого потенциала внутри самих вузов, а также о том, что они должны вносить непосредственный вклад в развитие национальной информационной экономики. Похоже, правительство хочет сказать вузам: «Не спрашивайте, что страна может сделать для вас, — спросите, что вы можете сделать для своей страны!», как сказал американский президент Джон Ф. Кеннеди в своей инаугурационной речи в 1961 году. В этом смысле план и реализация данной программы запустили в стране общесистемную дискуссию о том, как университеты могут участвовать в запуске и работе механизма самоусиления, соединяющего развитие университетов с их социально-экономической функцией.

Несмотря на все официальные заявления, кабинет министров поддерживает расширение возможностей для государственного вмешательства в систему управления вузами. Это выражается в том, что в дополнение к образованию и науке одной из ключевых функций университетов правительство объявило их вклад в экономическое развитие через сотрудничество с промышленным сектором и инновации. Необходимость самостоятельно генерировать доход — это новая и связанная с определенными рисками задача для вузов, которые стремятся стать университетами мирового класса, если учитывать отсутствие ясности вокруг сложных механизмов, связывающих долгосрочную научную деятельность вузов и промышленную коммерциализацию. Стоит отдельно отметить: японские деловые круги во многом находятся под властью мировых корпораций, преимущественно

американских. Становится очевидно, что университетам придется побороться за финансовую независимость и в конце концов самостоятельно найти свою новую идентичность.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2019.96.10779>

Кризис в университетах ЮАР

Джонатан Янсен, Сирил Уолтерс

Джонатан Янсен — заслуженный профессор наук об образовании, Стелленбосский университет в Западно-Капской провинции, ЮАР.

E-mail: jonathanjansen@sun.ac.za.

Сирил Уолтерс — постдокторант Стелленбосского университета.

E-mail: cyrillwalters@sun.ac.za.

В 2015–2016 годах в ЮАР прошли самые серьезные и ожесточенные за всю столетнюю историю высшего образования студенческие протесты. Большинство аналитиков связывает быстрое распространение протестов с двумя факторами: с культурой отчуждения в традиционно «белых» университетах, где зародилось движение #RhodesMustFall («Родс должен пасть»), и с дискриминационными расценками на высшее образование, породившими движение #FeesMustFall («Взносы должны пасть»).

Демонстрации под лозунгом #RhodesMustFall начались в марте 2015 года в главном вузе ЮАР — Университете Кейптауна, когда студент бакалавриата Чумани Максвелле в знак протеста измазал человеческими экскрементами статую жившего в XIX веке британского колонизатора Сесила Джона Родса — человека, который стал олицетворением надежд, мечтаний и комплекса собственного превосходства Британской империи, то есть всего того, что привело к колониальному угнетению и притеснению африканцев. Родс был британским империалистом, который обогатился на добыче полезных ископаемых и основал колонию, названную в его честь Родезией. И он же дал средства на создание Университета Кейптауна, а также Университета Родса в Восточно-Капской провинции. После того как участники движения #RhodesMustFall добились выноса статуи Родса с территории университета, их требования развернулись дальше: они стали выступать за дальнейшую трансформацию институциональной символики (например, находящихся в вузе художественных работ), за расширение найма чернокожих преподавателей

и за то, что сами протестующие называют «деколонизацией учебного плана».

А движение #FeesMustFall против высокой стоимости обучения началось в октябре 2015 года в другом крупном вузе — Университете Витватерсранда, расположенном в Йоханнесбурге. Студенты протестовали против повышения стоимости обучения, которое ведет к снижению доступности высшего образования и оставляет многих выпускников в долгах. В итоге протестующие победили, когда прижатый к стене Джейкоб Зума, популист и коррумпированный президент ЮАР, вопреки рекомендациям двух официальных комиссий объявил о том, что высшее образование станет бесплатным для малообеспеченных студентов.

Цена студенческих протестов

Эти два движения, призывающие к «падению» Родса и стоимости обучения, слились в единое мощное студенческое движение, которое придало неотвратимость трансформациям семи традиционно «белых» университетов и необходимости повышения доступности высшего образования для бедных студентов, особенно в традиционно «черных» университетах. Но эти протесты обошлись очень дорого южноафриканским вузам. Их охватила волна поджогов, от которых пострадали и библиотеки, и компьютерные центры, и общежития, и административные здания. Ущерб, по разным оценкам, составил от 800 млн до 2 млрд южноафриканских рэндов (от 55 млн до 137 млн долларов США). Занятия в некоторых университетах были прерваны на несколько недель, и, чтобы наверстать упущенное, пришлось предпринимать значительные усилия и вводить усиленные меры безопасности во время экзаменов. Сотрудники и студенты были глубоко поражены как накалом протестов, включавших в себя срывы занятий и физическое насилие, так и действиями полиции и служб безопасности, которые приходилось вызывать для подавления беспорядков.

Для многих протесты обернулись личными трагедиями. В окно одного из ректоров была брошена бутылка с зажигательной смесью. Затем внимание национальной прессы привлекло самоубийство ведущего ученого-медика — профессора, ставшего первым в истории своего факультета чернокожим деканом. По словам семьи, он покончил с собой под воздействием эмоционального шока, вызванного тем, что протестующие студенты заняли его кабинет и оскорбляли его. Сотрудник другого вуза умер в результате приступа астмы, спровоцированного тем, что студенты решили опорожнить огнетушитель в закрытом помещении. Один раз студенты подожгли сторожевую будку, внутри которой оказались запертыми полицейский и охранник. Один из охранников Университета Кейптауна был сильно избит стальным прутом, а другой получил пролом черепа, когда кто-то из протестующих сбросил на его голову кирпич с четвертого этажа.